

DOI: 10.24412/2587-7844-2024-2-92-108

УДК 882

ГЕРОЙ РАССКАЗА Р. СЕНЧИНА «КОНЕЦ СЕЗОНА» В ПАРАДИГМЕ «ЛИШНИХ ЛЮДЕЙ»: СХОЖДЕНИЯ И ОТТАЛКИВАНИЯ¹

М.В. Ларина (Красноярск, Санкт-Петербург, Россия)

Е.О. Новикова (Красноярск, Россия)

Аннотация

Предмет творческого исследования прозаика Романа Сенчина – обычные люди, живущие в сложных условиях современного мира с его многочисленными проблемами: бедностью, коррупцией и социальным неравенством. Особый драматизм образу человечества, создаваемому автором, добавляет внутреннее чувство отчуждения, переживаемое героями. В этой связи писатель неоднократно обращается к типу «лишнего человека», переосмысливая его в актуальной реальности.

Цель статьи – проанализировать трансформацию типа «лишнего человека» в современной русской прозе на примере текста Р. Сенчина «Конец сезона». Выявить черты ключевого персонажа, созданного художником.

В работе используются культурно-исторический и социологический *методы*.

Результаты исследования. «Лишний человек» в произведениях Р. Сенчина – не просто герой, который не может найти своего места в обществе. Это личность, остро ощущающая свое несоответствие окружающей действительности, ненужность и безысходность сложившейся ситуации. Такой герой живет в мире, где нет места искренним чувствам, где каждый стремится только к материальным благам и личной выгоде. Особенность «лишнего человека» в творчестве писателя заключается в том, что у Сенчина этот тип не является героем, готовым к борьбе за свои идеалы, не стремится, подобно классическому прообразу, преодолеть свою исключительность из жизни. Наоборот, он часто оказывается слабым и безвольным, неспособным противостоять обстоятельствам, оправдывающим пассивность.

В рассказе «Конец сезона» галерея «лишних людей» весьма обширна: несостоявшийся актер, художник, не реализовавший творческий потенциал, продавец магазина одежды и многие другие, пытающиеся найти «место под солнцем». Неудавшиеся поиски порождают страдания, чувство вины от осознания упущенного времени. Возлагая на героев ответственность за сложившуюся ситуацию, автор предупреждает о возможности гибели на фоне очередной смены культурной парадигмы Человека как творца собственной судьбы.

Ключевые слова: Р. Сенчин, «Конец сезона», «лишний человек», отчуждение, современная литература, новый реализм.

Постановка проблемы. Творчество Р. Сенчина традиционно относят к «новому реализму»: острые социальные проблемы, мировой кризис и распри на политической арене заставили вновь говорить о субъекте словесного

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00408; <https://rscf.ru/project/23-18-00408/>; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского.

искусства и его месте в мире без лишних красок, искажений форм, пародийности или аллюзий. Герой сенчинской прозы – среднестатистический человек, образ которого обнаруживает «злокачественную опухоль» нынешнего времени – всеобщую отчужденность [Молданов, 2013, с. 303]. Закономерна реализация в этом пространстве неклассического варианта типа «лишнего человека» – современно-го «работающего планктона», которого сломили город и система [Резник, 2013, с. 159]. Он находится в состоянии неопределенности перед завтрашним днем и с чувством глубокого отчаяния переживает «болезнь к смерти» [Кьеркегор, 2022]. Одновременно наследуя сформировавшиеся в отечественной словесности черты типа и при этом видоизменяясь в некую обезличенную сущность, актуальный образ «лишнего человека» отражает весь спектр противоречий новейшей эпохи.

Цель статьи – проследив трансформацию типа «лишнего человека» от классической русской литературы до словесности современной России на примере текста Р. Сенчина «Конец сезона», выявить основные черты литературного героя, созданного художником.

Методы исследования. В ходе исследования используются методы сравнительно-исторического и социологического анализа.

Результаты исследования. В классическом понимании «лишний человек» относится к типу литературного персонажа, которому присущ ряд конкретных нравственно-психологических черт. Зачастую этот герой одинок, отвергнут социумом или же, напротив, по ряду причин самовольно отстранился от общества. Для «лишнего человека» характерны такие эмоциональные состояния, как скука, хандра, цинизм, разочарованность, непреходящая усталость. Свое наименование, включенное в большинство литературоведческих словарей, понятие «лишний человек» получило в 1850-х гг., после выхода в свет романа И.С. Тургенева «Дневник лишнего человека» (1850). Первые критики признавали типичность главного героя Чулкатурина: «Он истинно лишний человек, один из тех лишних людей, без которых не существует ни одного молодого общества» [Дубовиков, Дунаева]. Однако сам тип «лишнего человека» в социально-историческом контексте стал рассматриваться в отечественном литературоведении лишь в XX в. В общих обзорах творчества Тургенева (М.К. Клемана, Г.А. Бялого, С.М. Петрова и др.) выяснена связь «Дневника...» с другими произведениями Тургенева о лишних людях, прослежена линия развития, ведущая к первому роману автора – «Рудин» [Дубовиков, Дунаева]. Л.М. Лотман отмечает, что важное место в системе взглядов Тургенева занимала высказанная им в статье о драме С.А. Гедеонова «Смерть Ляпунова» (1978) мысль о том, что явления искусства порождаются и определяются исторической жизнью общества. Как «историческое явление» «лишнего человека» рассматривает В. Фридлянд [Тургенев, 1979, с. 591]. Между тем очевидно, что формирование данного типа в русской литературе началось задолго до публикации произведения Тургенева.

Еще В.Г. Белинский, описывая особенности пушкинского Евгения Онегина, определяли его как человека «с озлобленным умом», разочарованного в людях,

в жизни, в самом себе, «бездеятельность и пошлость жизни душат его; он даже не знает, чего ему надо, чего ему хочется», «страдающий эгоист», ищущий «в добре то счастья, то развлечения» [Лотман]. А.И. Герцен писал: «Онегин – это бездельник, потому что он никогда ничем не занимался, *человек лишний* в той сфере, в которой находится, и не имеющий достаточной силы характера, чтобы из нее выйти... Он не начинал и ничего не доводил до конца, он думал тем больше, чем меньше делал; он в двадцать лет уже стар, а, начиная стареть, молодеет через любовь. Он всегда чего-то ожидал, как мы все, потому что человек не настолько безумен, чтобы верить в продолжительность теперешнего положения в России... Ничего не пришло, а жизнь уходила...» [Белинский]. Несмотря на специфическое восприятие Герценом Евгения Онегина, критик справедливо выделяет такие черты героя, как праздность, разрыв с социальной средой, обращенность героя к смерти из-за жажды жизни, бездеятельность с одновременной углубленностью в размышления [Герцен].

Ряд героев, выпавших из времени и среды, традиционно продолжает Печорин («Герой нашего времени» М.Ю. Лермонтова). Авторская характеристика, давшая заглавие роману, связывает героя с породившей его эпохой. Данная связь характерна для типа «лишнего человека»: как правило, он – продукт последствий переломной эпохи, когда общественные бури, казалось бы, утихли, но установившийся порядок по-прежнему не удовлетворяет героя, хотя он и не находит применения бушующим внутри него силам. Вследствие этого очевидна репрезентативность подобного типа для романтического метода – не просто отчужденность Печорина, а его, им же самим декларируемая, противопоставленность среде; не столько бездействие, сколько разрушительное влияние на судьбы окружающих, сопровождающееся постоянной внутренней рефлексией.

В литературе реализма уход «лишнего» героя от общества не зависит исключительно от него самого, связан с его природой, с неспособностью самореализоваться, с разочарованием в самом себе. На смену Печорину как плоду безвременья 1830-х гг. приходят «лишние» герои-идеологи – интеллектуалы 1840-х и последующих десятилетий. Противоречие «глубокости натуры» и «пустоты жизни» (В.Г. Белинский) рождает героев гамлетовского типа, декларирующих собственную «лишность». Как уже отмечалось, тип «лишнего человека» в его классическом понимании характерен для творчества таких русских авторов-реалистов, как И.С. Тургенев (Чулкатурин из повести «Дневник лишнего человека»), герой-повествователь повести «Ася», нарратор из рассказа «Гамлет Щигровского уезда», Рудин, Павел Петрович Кирсанов), Н.А. Некрасов (Агарин – герой поэмы «Саша»), И.А. Гончаров («Обломов»), А.П. Чехов (Лаевский из повести «Дуэль») и др. Актуализация типа «лишнего человека» в литературе всегда связана с разочарованием в существующем миропорядке либо в только что минувших переменах, неверием в общественный прогресс, невозможностью личности проявить себя, найти свое место в жизни.

На заре XX столетия радикальные реформы, вызванные революционными событиями, заставили интеллектуала, ранее ощущавшего себя «лишним», иначе оценить свою роль. Авторы этого периода (В. Вересаев «В тупике», Ю. Домбровский «Факультет ненужных вещей», Л. Леонов «Конец мелкого человека», М. Булгаков «Собачье сердце» и др.) озадачены вопросом нравственной несовместимости с советским режимом. По мнению Д. Федорова, коренное отличие «лишних людей» XX в. от их классических литературных прототипов заключается в «полнейшем отсутствии социального эгоизма и эгоцентрического восприятия действительности, в их органической слитости с трагической судьбой России в начавшемся “веке-волкодаве”» [Федоров, 2002]. В 1920-е гг. социальная изоляция, которая в предыдущем столетии превратила «лишнего человека» в «умную ненужность» [Федоров, 2002], трансформируется в еще более глубокий отрыв от коллектива.

С утверждением соцреалистического канона корректируется вектор литературного развития. Согласно докладу М. Горького на Первом Всесоюзном съезде советских писателей (1934), одна из ключевых тем дореволюционной литературы – «драма человека, которому жизнь кажется тесной, который чувствует себя *лишним* в обществе, ищет в нем для себя удобного места, не находит его и – страдает, и погибает, или примиряясь с обществом, враждебным ему, или же опускаясь до пьянства, до самоубийства» [Горький, 1953]. Критик журнала «Красная новь» М. Чарный достаточно прямолинейно пишет о «табунах философствующих, кающихся и паразитирующих *лишних людей*» [Машкова, 2012] в старой литературе. В соответствии с провозглашенной идеей «лишним людям» в государстве рабочих и крестьян не остается места, однако идеология далеко не сразу завоевывает поле культуры [Гольдштейн, 1997, с. 153–174]. В понимании целого ряда интеллектуалов начала XX в. (А. Богданова, М. Горького, О. Брика, М. Зощенко, Л. Леонова, раннего А. Платонова [Ковтун, Проскурина, Васильев, 2013]) революция суть преобразование «ветхого мира», где равнодушию природы и одиночеству личности противостоит «воля к жизни» человека-деятеля, ценой страшных усилий открывающего перспективу *счастья для всех*. По сути, так осуществляется бифуркация культурной парадигмы, «взрыв», по Ю.М. Лотману, когда периферия и центр меняются местами, табуированные ритуалы и ценности становятся определяющими [Лотман, 2010]. Состояние постреволюционного мира можно определить как *Иное, Другое*, когда прошлое, традиции уже разрушены, новое же только укладывается, призрачно, напоминает сон, галлюцинации [Черняева, 2014, с. 163–170]. Е.Е. Машкова подчеркивает параллели в образах «лишнего человека» и «колеблющегося интеллигента» в советской прозе [Машкова, 2012]. Так же, как и «лишний», «интеллигент» находится в антиномии с «новым человеком» – деятельным, прямолинейным, убежденным героем.

Попытки дать литературоведческое определение типу «лишнего человека» ведутся с первой половины XX в. и зачастую сводятся к перечислению

характерных признаков героя. Так, в «Литературной энциклопедии» (1929–1939)² на обширном материале³ «лишние люди» определяются как категория литературных образов. Отмечается наличие «лишних людей» как в русской, так и западной литературе. Вслед за «революционной критикой» в качестве основной характеристики «лишнего человека» авторы выделяют «разлад со средой»: «лишний человек» не способен «к выполнению общественных функций – классовых задач» (ФЭБ). Чтобы показать эволюцию категории, авторы выстраивают цепочку из известных героев мировой литературы: Дон-Кихот – Гамлет – Альцест – Вертер – ряд чеховских персонажей – босяки Горького. В качестве общих черт обозначенных героев выделяются «историческая специфичность»; одновременный конфликт с обществом и бытием; пассивность героя и его рефлексия. Самое известное определение данного литературного типа принадлежит Ю.В. Манну, который характеризует его как героя, отчужденного от официальной жизни России, от родной ему среды, «по отношению к которой осознает свое интеллектуальное и нравственное превосходство»; для «лишнего человека» характерны усталость, глубокий скептицизм, разлад между словом и делом и, как правило, общественная пассивность (Манн, 2001, с. 485). Ограниченность в понимании определения термина оставляет место для множества трактовок, что приводит к значительному расширению его интерпретации и, как результат, к смешению различных значений. Качественные изменения трактовки понятия «лишний человек» в литературоведении зависят от особенностей художественного процесса в целом, от доминирующей в конкретный исторический период культурной парадигмы.

В отечественной прозе с 1950-х гг. наблюдается «системный кризис казарменного соцреализма», поэтому образы «лишних людей», по утверждению Д.В. Федорова, представлены как «художественная реакция на негативные явления советской действительности» [Федоров, 2002]. Переломным моментом истории в этом контексте становится война, искажающая и стирающая уникальность каждой человеческой жизни, ставящая под сомнение идею прогрессивного человечества. Трагедия породила чувство вины за необратимую утрату людских душ, утрату веры в Человека. В. Распутин, В. Астафьев, С. Залыгин, И. Белов и многие другие писатели поднимают нравственные вопросы о долге и совести. Образ «лишнего человека» обновляется: теперь одна из его основных характеристик – «усталость». Н.В. Ковтун пишет: «История страны войной искорежена, буквально выбито мужское поколение, ушли молодыми лучшие,

² ФЭБ: Литературная энциклопедия // «Лишние люди» [Электронный ресурс]. URL: <http://feb-web.ru/feb/litenc/encyclor/> (дата обращения: 03.05.2023).

³ Критические статьи Белинского, Чернышевского, Герцена, Писарева, Салтыкова-Щедрина, а также литературоведческие работы Авдеева («Наше общество в героях и героинях»), К. Голловина («Русский роман и русское общество»), Д. Овсяннико-Куликовского («История русской интеллигенции»), В. Воровского («Лишние люди», «Был ли Герцен социалистом?»), В. Кина («Гамлетизм и нигилизм в творчестве Тургенева»).

и эти потери невозполнимы – остался опыт внутренней усталости, надорванности нации» [Ковтун, 2020, с. 8]. Появляются новые герои – фронтовики с присущей им «мужицкой усталостью» [Там же]. «”Проклятыми и убитыми” войнами» назовет их Д.В. Федоров, расширив список до «недобитых в Гражданскую войну и необстрелянных в годы Великого Террора» мучеников [Федоров, 2002]. Эти образы оживут на страницах произведений таких авторов, как С. Залыгин, А. Волков, Ю. Бондарев и др.

Помимо социально-политических трагедий, в актуализации типа «лишнего человека» немаловажную роль сыграл процесс переосмысления экономической политики Советского государства. Заданный в первой половине XX в. курс на индустриализацию страны побуждает искусство говорить об утрате традиционных общественных устоев: разрывается связь с прошлым, с корнями, оставляя лишенных прежних нравственных ориентиров людей на распутье. В литературе появляется образ «духовного скитальца», находящегося в поисках истинных ценностей, «правды жизни». Память – главный инструмент на пути обретения собственной идентичности, о чем говорит В. Распутин устами своей героини – старухи Дарьи: «Правда в памяти. У кого нет памяти, у того нет жизни» [Распутин, 2017]. «Новые люди», позабывшие заповеди отцов и принявшие путь научно-технологической революции, обретают искусственный, мертвый мир, в то время как традиционный уклад уходит в забвение навсегда, умирая вместе с крестьянской культурой. Образ «лишнего» героя в этом дискурсе обретает новые грани: такой человек находится во внутренней оппозиции к существующему порядку, к сложившейся системе, не принимает ее. Прошедшие революцию, пережившие коллективизацию, террор и войну, советские люди отвергают все, что прежде ограничивало их свободу, обрекая себя становиться «пасынками времени» (В. Гроссман).

Иную трактовку типа находим в творчестве В. Шукшина. В рассказах автора «лишний человек» возрождается в образе городского интеллигента, внутренне надорванного, опустошенного, лишенного опоры. Оспаривая миф о самоценности маргинального существования интеллектуала, Шукшин демонстрирует инфантильность современного ему человека. В знаковом рассказе «Ночью в бойлерной» (1974) из-за страсти к молодой жене профессор-филолог готов продать любую рукопись, даже «Слово о полку Игореве», «душу за продать черту» за шубку. В рассказе «Мечты» (1973) молодые люди продают четырехтомник Даля из дедовской библиотеки ради похода в ресторан. Мотив продажи Слова трансформируется в мотив предательства, отречения от культуры и памяти.

Полемизируя с классической «деревенской прозой», констатировавшей обреченность городской культуры, отсутствие в ней витального начала, Шукшин выводит проблему «лишнего», интеллигента на экзистенциальный уровень: «Проблема народа и интеллигенции, деревни (провинции) и города в творчестве В. Шукшина многократно усложняется, получая гротескное выражение. Художник не верует умозаключениям великих предшественников, не призывает

“преклониться перед народом”, как Ф.М. Достоевский (идея пародируется в рассказе “Случай в ресторане”), и не предаёт анафеме интеллектуальную культуру, как поздний Л.Н. Толстой. Его герои – *люди перекрестка*, часто не умеющие найти дорогу к себе самим» [Ковтун, 2022, с. 163].

Среди особенностей русского реализма второй половины XX в. Н.Л. Лейдерман выделяет, в частности, одновременное влияние на метод модернистских и соцреалистических тенденций: если ещё во времена Гоголя в реалистические произведения проникает категория сверхъестественного, то ко второй половине предыдущего столетия эти трансцендентальные качества постепенно приобретают антитоталитарный характер (что сказывается, например, на развитии литературы с иным мимесисом: метажанра антиутопии, фэнтези и фантастики). Важно, что в это же время происходит расшатывание «формульности» соцреалистического дискурса. Таким образом, формируется некая *новая эстетика*, когда устойчивая натуралистическая тенденция возрождается и усложняется, вследствие чего появляется *социальный роман-формула*, в котором «определённая модель абстрагируется от социальных фактов, и роман создается как материализация данной модели» [Лейдерман, Липовецкий, 2003, с. 54].

Одновременно с этим процессы модернистской культуры (усложнение представлений о личности, открытие подсознательного, обращение к иррациональному) формируют второй, «модернистский» путь развития реализма, когда внимание сосредоточивается на образе личности, более или менее изолированной, воспринимающей внешний мир как страшный и непостижимый хаос, от которого необходимо куда-то уйти (в подсознание, революцию, теургию, память культуры). Названные факторы приводят к распаду реализма в его традиционных формах. Основным направлением художественных исследований второй половины XX в. становится поиск диалектического сцепления между новым видением личности, обогащённым опытом модернизма, и пониманием общества, учитывающим опыт социальных манипуляций массовым сознанием.

Характерное для периода 1980–1990-х гг. отсутствие единых социально-исторических представлений, единой концепции реальности у автора и у читателя порождает кризис самого жанра романа. Одной из попыток выйти из сложившейся ситуации становится поиск образов реальности с более или менее устойчивым значением: *школа, армия, психушка, зона* и др. Происходит заметное сужение вариантов хронотопа, а вместе с этим продолжается возврат к традиционным моделям персонажа, ощутимо трансформируется позиция субъекта, стремящегося «осмыслить общество»: литературный субъект не создаёт смысл, а ищет его, «исходя из веры, что этот смысл уже существует» [Лейдерман, Липовецкий, 2003, с. 55]. Таким образом, можно наблюдать возврат к каноническим для русской литературы тенденциям. «Лишность» такого субъекта маркирована социальным неуспехом, алкоголизмом, стремлением убежать в пространство отвлечённых истин. Показательны в этом плане тексты Вен. Ерофеева, С. Довлатова, В. Маканина, А. Иванова и др.

К началу XXI в. поиски истины замыкаются, теряют смысл из-за пассивности субъекта, усугубляя его состояние. Данная тенденция наиболее ярко проявилась в творчестве Р. Сенчина. Характерны названия книг автора: «Срыв», «Остановка», «Петля», «Зона затопления», «Постоянное напряжение». С. Шулаков пишет о героях прозы Сенчина как о заведомо обреченных индивидуумах: «Их жизнь от их личности не зависит, вообще ни от чего не зависит, и мрачная черная лестница никуда не ведет» [Шулаков, 2013, с. 271]. Бесперспективность в настоящем устанавливает границу, за которой нет будущего. Вышедший из двадцатого столетия усталый и бесполезный герой ощущает себя «лишним человеком». Экзистенциальный кризис провоцирует отчуждение от собственного бытия и, как следствие, появляются размышления: «А стоит ли жить?» [Новикова, 2020, с. 59].

Смена культурной парадигмы и вектора социального развития маркирована ценностным сломом. Об этой проблеме писал немецкий философ Эрих Фромм, развенчивая в книге «Иметь или быть?» (1976) иллюзии «новой религии»: Град Прогресса укрепился на Земле; люди желают превратиться в могущественных существ, способных «создавать второй мир» [Фромм, 2010, с. 9], природа должна послужить строительным материалом для новой цивилизации. В противовес этой тенденции традиционные образы, идеи древнерусской, языческой, культуры с ее обращенностью к природным началам оживают в творчестве писателей-«деревенщиков», предвидевших печальный исход для цивилизации в целом. В словесности вновь актуализируется эсхатологический пафос (В. Распутин, В. Астафьев) [Ковтун, 2022, с. 4–19]. Авторы нового поколения, и в частности Р. Сенчин, продолжают намеченные литературными предшественниками тенденции, изображая трагичность и катастрофичность обыденности оторванного от корней, потерянного в новом мире человека.

Р. Сенчин не просто наблюдает и переосмысливает существующее положение дел, но и сам вместе со своими героями проживает катастрофическое настоящее. Так, «испытыв на себе постсоветскую ксенофобию, изгнание из родного города, выживание в новых тяжелых условиях, поживший жизнью богемного рок-музыканта, рабочего, бедного писателя» [Ганиева, 2013, с. 340], он обращается в типичного представителя «своего обманутого страной поколения» [Там же]. Эту позицию писатель неоднократно формулирует в интервью: «Я реалист, пытаюсь более или менее объективно зафиксировать некоторые, к сожалению, часто неприглядные стороны нашей жизни» [Васильев, 2017]. Одной из ведущих тем автора становится попытка отчужденного от мира человека найти себя, выжить в среде, где, кроме скуки, однообразия и деградации, ничего нет. Э. Чоран, рассуждая об упадке культуры, вступившей на путь «урбанизации», подчеркивает неоспоримый факт: «Чем больше нас поглощает повседневность, тем больше мы испытываем потребность вырваться за ее пределы, так что в одно и то же мгновение мы живем в мире, и вне мира» [Чоран, 2019, с. 180]. Подобный диагноз целой эпохи объясняет сущность сенчинских героев, словно застрявших между двух миров, пребывающих в состоянии «живого мертвеца».

Книга «Нулевые» (2021) – сборник коротких историй о буднях обитателей новой России. Рассказ «Конец сезона», вошедший в это издание, иллюстрирует жизнь людей разных профессий: менеджера магазина, домохозяйки, актера, музыканта, художника, владельца бизнеса, которые не получают удовлетворения от пребывания в настоящем.

Главный герой – Никита Сергеев, тридцатидвухлетний продавец одежды в модном бутике. Его будни напоминают «день сурка»: дом, работа, снова дом. В редких случаях он вместе с семьей вырывается на природу или к приятелям на дачу. Однако подобные поездки герою «давно уже не приносили удовольствия – отнимали силы, выбивали из колеи» [Сенчин, 2021, с. 340]. Сергеева не устраивает сфера его деятельности, мужчина постоянно грезит о том, что сможет «зажить по-новой» [Сенчин, 2021, с. 403]. О своем ремесле герой отзывается характерно: «Это медленная гибель, постепенное увязание в трясине» [Там же]. Однако на вопрос жены: «Может, другое место найти?» – Никита с натугой отвечает: «Посмотрим» [Сенчин, 2021, с. 360]. При этом пассивная позиция героя осознается им: «Действительно, любую проблему можно замять этим “посмотрим”» [Там же]. У Никиты, как и у других героев прозы Сенчина, возникает синдром отложенной жизни, когда человек находится в разладе с объективной реальностью и фантазирует о некотором идеальном месте: «Он на каком-то старинном корабле. Хлопают паруса. <...> И вот – берег. Это остров, небольшой, с высокой горой в центре» [Сенчин, 2021, с. 412]. Остров – райский уголок, куда герой стремится убежать. Этот образ, как и в целом мотив поиска обетованной земли, – один из структурирующих в традиционалистской прозе [Ковтун, 2009, с. 323]. Ярко выраженная библейская символика (аналогия с Ноевым ковчегом) маркирует неутраченную надежду героя избавиться от ощущения брэнности бытия, усиливает мотив «спасения» как освобождения от страданий и последующего духовного возвышения. Топос «золотого века» реализуется в воспоминаниях и снах Никиты, пытающегося понять, в какой момент беседы с приятелями о книгах, «об истории, религии, театре» за чашечкой чая превратились в пустые разговоры со стаканом алкоголя.

Сон оборачивается прибежищем для героя, в противовес пробуждению, которое «оглушало и вытряхивало наружу, в забитую делами и проблемами жизнь» [Сенчин, 2021, с. 375]. Однако побег из жизни для него – не только светлая мечта, но и осознаваемое желание: «Уехать куда-нибудь. Взять билет далеко-далеко, набрать сумку консервов. И... Какой самый дальний маршрут? До Владивостока. Владивосток» [Сенчин, 2021, с. 414]. Но такого рода размышления прерываются нахлынувшим страхом: «Вот скажут в понедельник: ты уволен, – и он погиб» [Сенчин, 2021, с. 403]. Сергеев предпринимает попытки оправдаться, заговорить себя: «А с другой стороны, что скажешь, кроме этого? Ведь работа, по сути-то, – не бей лежачего. Гуляй по залу... <...> И место удачное... И престижно. Спрашивают: “Где работаешь?” – В “Бенеттоне”. <...> И люди уважительно кивают... И что взять и уволиться? А что взамен?» [Сенчин, 2021, с. 361]. Характерная

для автора метафора театра как другой жизни в рассказе «Конец сезона» связана с прошлым Никиты: желавший в юности стать актером, самореализоваться на сцене, Сергеев в результате внутренней слабости и под давлением внешних обстоятельств превратился в «серую массу», раскручивающую колесо бюрократической системы. Казалось бы, принятие установленных правил обеспечивает некое самосовершенствование: человек должен подняться по карьерной лестнице и добиться успеха на профессиональном поприще. Но у концепции личного обогащения есть и другая сторона, когда труд во имя лучшей доли других людей обесценивается. Происходит это потому, что капитал в сложившейся системе всегда стоит выше труда, а обладание вещью – выше проявления духовной жизни. Вещи приобретают статус идолов, что делает их важнее личности. Подлинное бытие замещается стремлением «иметь». Таким образом, человек, вместо того чтобы «давать выражение всем задаткам, талантам и дарованиям, которыми наделен каждый из нас» [Фромм, 2010, с. 139], предпочитает служить обществу потребления. Люди охотно идут на поводу у иллюзии, в которой собственность является опорой всей жизни: лишившись ее, они обязательно упадут. Поэтому Никита Сергеев так держится за материальные блага, которые обеспечивают комфортное пребывание в мире. Он не может вообразить лучшей доли, чем «с пивом, спокойно сидеть дома. В своем кресле, перед телевизором...» [Сенчин, 2021, с. 340]. И только в состоянии полузабытья он способен заглянуть в другую жизнь, «как бы и продолжение этой, но измененную – удивительно и непонятно как, чем измененную» [Сенчин, 2021, с. 397].

В этой связи не случаен выбор профессии героя, который не только приобретает вещи, но и торгует ими. При этом Сергеев не чужд философии, он видит трагичность бытия: «Я вот маленьким был, когда кашу эту ел манную и думал: ну ладно, поем, а когда вырасту, ни за что не буду. Буду мясо есть, картошку, яблоки. Твердое буду есть, как взрослый... Стал – ем мясо, картошку, а жизнь... Понимаешь, сама жизнь как каша стала. Такая разваренная вся, как в детстве. Ни крупинок, ничего – зубам не на что зацепиться. Однородность течет» [Сенчин, 2021, с. 406]. Двойственность характера героя подчеркивает авторскую мысль о том, что человек одновременно – творец и объект, двигатель и жертва своей личной истории.

Другие действующие лица рассказа – люди, так или иначе связанные с «романтической стезей», искусством или туризмом, – качественно ничем не отличаются от Никиты Сергеева. Его жена, бывший жизнерадостный член туристических клубов, превратилась в заурядную домохозяйку, у которой были «планы на жизнь», а в итоге получился «тупик» [Сенчин, 2021, с. 407]. Приятельница Наталья – предпринимательница, добившаяся высокого социального положения. У нее свой туристический бизнес, «богатая, с “опелем”» [Сенчин, 2021, с. 374]; но вместе с этим Наталья – глубоко одинокая женщина, у которой нет ни мужчины, ни детей, и даже друзья отвернулись от нее. Немаловажную роль играют образы неудавшихся «деятелей искусства». Володька – артист малоизвестного театра.

Самое удачное сценическое амплуа, полученное из-за внешнего сходства, – Александр Пушкин. После пика актерской славы «вернулся в свои обычные театральные будни – играл перед полупустым залом зайчиков и стареющих юношей. Стал больше пить и чаще психовать» [Сенчин, 2021, с. 365]. Еще один представитель творческой интеллигенции, Андрей Калугин, художник, когда-то писавший иконы, а теперь вынужденный работать за копейки в Щукинском, где целыми днями занимается стройкой, «пыркается и халтурит» [Сенчин, 2021, с. 379], и «ни денег, ни времени» [Сенчин, 2021, с. 372]. Все эти люди, собравшись в одном месте, в какой-то момент понимают, что стали друг другу чужими. Встреча не приносит радости, разговоры пустые, натянутые.

Порывы что-либо изменить в собственной жизни ограничиваются словом «поздно», и с каждым годом «этих “поздно” наступало все больше, больше» [Сенчин, 2021, с. 404]. Люди безвременно старятся, так и не побыв молодыми. Уже в тридцать два года Сергеев решил, что лучшее время прожито. В этом контексте вспоминается рассказ Р. Сенчина «Жить, Жить» (2009), где «тридцативосьмилетние, уставшие» [Сенчин, 2021, с. 474] Роман и Владимир размышляют о суициде: «По большому счету, Вов, мы свою миссию исполнили – в армии послужили, произвели по два гражданина России, так или иначе их обеспечили... <...> В целом оправдали свое пребывание. А остальное... Я не хочу больше мучиться, не хочу бегать, искать... Меня завтра выкинут из агентства, и куда проситься? – Да никуда. Только в крестьяне. – Туда – нет! Лучше в петлю» [Сенчин, 2021, с. 480]. Мотив смерти красной нитью проходит через творчество Р. Сенчина и является маркером «лишнего человека». Иногда этот мотив ярко выражен, как в случае истории о самоубийстве, но чаще смертельная тема имеет завуалированный характер, как в рассказе «Конец сезона». Время действия произведения – осень, период, традиционно символизирующий конец цикла и начало нового этапа жизни. «Унылая пора» служит метафорой изменения и преобразования, является предвестником зимнего умирания. «Конец сезона» – констатация смерти целой эпохи, сделавшей «мертвое», материю, своим кумиром. Это общество «лишних людей», не способных преодолеть всеобщее отчуждение, утративших волю к жизни, потому что «в модусе обладания господствует мертвое слово, в модусе подлинного бытия – живой опыт» [Фромм, 2010, с. 139].

Выводы. «Лишний человек» в произведениях Р. Сенчина, как справедливо отмечено в критике, – «это некто чужой для реальности, для жизни, нереализованный, свыкшийся с настоящим положением дел, с тем, что “сегодня как завтра”, и это неопределимо» [Рудалев, 2018, с. 27]. Его единственное побуждение – укрыться от агрессивной повседневности; единственный возможный способ существования – пассивность. Помимо традиционных черт, присущих типу «лишнего человека» (скука, душевная усталость и глубокий скептицизм), для «лишних людей» Р. Сенчина характерны эскапизм (побег в альтернативный мир, в симуляцию) и квиетизм (пассивность, отрицание ответственности). При этом неизменным остается доведенное до крайности «отчуждение»

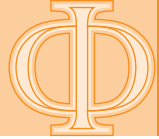
литературного субъекта, обозначившее основную проблему современного человека. В мире глобальных процессов: урбанизации, индустриализации, технологизации, цифровизации, информатизации – личность рискует обратиться в элемент, который нужен лишь как часть сложного механизма мировой системы. Так индивид лишается своей творческой сущности и свободы, а вместе с ними и смысла жизни. Устойчивый в творчестве Р. Сенчина образ «лишнего человека» – попытка силами литературы уберечь человечество от обезличивания, вытащить бесконечных «Сергеевых», «Топкиных», «Елтышевых» и себя самого из обездвиживающей рутины, пробудить волю, сохранить то, что еще осталось: стремление к лучшему, добру, правде.

Список словарей

1. Большая советская энциклопедия: в 30 т. / гл. ред. А.М. Прохоров. Изд. 3-е. М.: Советская Энциклопедия, 1973.
2. Манн Ю.В. Литературная энциклопедия терминов и понятий. М.: Интелвак, 2001.
3. ФЭБ: Литературная энциклопедия // «Лишние люди» [Электронный ресурс]. URL: <http://feb-web.ru/feb/litenc/encyclor/> (дата обращения: 03.05.2023).

Библиографический список

1. Белинский В.Г. Сочинения Александра Пушкина. Статья восьмая: Евгений Онегин [Электронный ресурс]. URL: http://gramota.ru/biblio/reading/?rub=rubric_296&text=27_308& (дата обращения: 11.09.2022).
2. Васильев О. Литература возвращает себе вес // Новая газета во Владивостоке. 2017. 12 окт. № 411. URL: <https://vladivostok.bezformata.com/listnews/literatura-vozvrashaet-sebe-ves/61613416/> (дата обращения: 08.02.2024).
3. Ганиева А.А. «Серым по серому» // Все о Сенчине. В лабиринте критике. М.: Литературная Россия, 2013. 512 с.
4. Герцен А.И. О Евгении Онегине [Электронный ресурс]. URL: <https://diary.ru/~unknown666/p137814023.htm> (дата обращения: 11.09.2022).
5. Герцен А.И. О развитии революционных идей в России [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/g/gercen_a_i/text_0360.shtml?ysclid=lh79y11oez697355507 (дата обращения: 11.09.2022).
6. Гольдштейн А. Расставание с Нарциссом. Опыт поминальной риторики. М.: Новое литературное обозрение, 1997. С. 153–174.
7. Горький М. Собрание сочинений: в 30 т. М.: ГИХЛ, 1953 [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/g/gorxkij_m/text_1934_sovetskaya_literatura.shtml (дата обращения: 16.07.2023).
8. Данилкин Л. Эталонные образцы «нового реализма» // Все о Сенчине. В лабиринте критике. М.: Литературная Россия, 2013. 512 с.

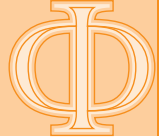
9. Дубовиков А.Н., Дунаева Е.Н. Комментарии: И.С. Тургенев. Дневник лишнего человека [Электронный ресурс]. URL: <https://rvb.ru/turgenev/02comm/0155.htm?ysclid=lec9cf1kj591206011> (дата обращения: 11.09.2022).
10. Загидуллина М.В., Фаустов А.А. Аватары «лишнего человека» в современном литературном и гуманитарном пространстве // Челябинский гуманитарий. 2020. № 2 (51). С. 37–55.
11. Ковтун Н.В. Деревенская проза в зеркале утопии. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2009. 494 с.
12. Ковтун Н.В., Проскурина Е.Н., Васильев И.Е. Проект переустройства мира и русская проза начала XX века (А. Богданов и А. Платонов) // Сибирский филологический журнал. 2013. № 2. С. 129–140.
13. Ковтун Н.В. Тема памяти в современной прозе о Великой Отечественной войне // Культура и текст. 2020. № 4 (43). С. 6–24.
14. Ковтун Н.В. Трикстер как герой нашего. На материале русской прозы второй половины XX–XXI века: монография. М.: ФЛИНТА; Красноярск: КГПУ им. В.П. Астафьева, 2022. 408 с.
15. Кьеркегор С. Болезнь к смерти / пер. с дат. Н.В. Исаевой, С.А. Исаева. 4-е изд. М.: Академический проспект, 2022. 157 с.
16. Лейдерман Н.Л., Липовецкий М.Н. Современная русская литература: 1950–1990-е годы: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений: в 2 т.: 1968–1990. М.: Академия, 2003. Т. 2. 688 с.
17. Лотман Л.М. Драматургия И.С. Тургенева [Электронный ресурс]. URL: https://rvb.ru/turgenev/02comm/introcomm_02.htm?ysclid=led0z9gl4169667836 (дата обращения: 11.09.2022).
18. Лотман Ю.М. Непредсказуемые механизмы культуры. Таллин: TLU Press, 2010.
19. Манн Ю. Лишний человек // Большая советская энциклопедия: в 30 т. / гл. ред. А.М. Прохоров. Изд. 3-е. М.: Советская Энциклопедия, 1973. С. 582–583.
20. Машкова Е.Е. Потомок «лишнего человека» и деятельная личность советской эпохи // Вопросы русской литературы. 2012. № 22 (79). С. 74–85.
21. Молданов Е. Злокачественная биопсия семьи Елтышевых // Все о Сенчине. В лабиринте критике. М.: Литературная Россия, 2013. 512 с.
22. Новикова Е.О. Мортальные мотивы в произведениях Р. Сенчина // Сибирский филологический форум. 2020. № 2 (10). С. 53–66.
23. Распутин В.Г. Прощание с Матерой: повести. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. 608 с.
24. Резник А. Мы лед под ногами // Все о Сенчине. В лабиринте критике. М.: Литературная Россия, 2013. 512 с.
25. Рудалев А.Г. Четыре выстрела: Писатели нового тысячелетия. М.: Молодая гвардия, 2018. 505 с.
26. Сенчин Р.В. На черной лестнице: рассказы. М.: АСТ, 2011. 347 с.

27. Сенчин Р.В. Нулевые: повести, рассказы. М.: Изд-во АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2021. 508 с.
28. Тургенев И.С. Записки охотника: повести и рассказы. М., 1979. 608 с.
29. Федоров Д.В. «Лишний человек» как вечный тип русской литературы. Научные труды кафедры русской литературы БГУ. 2002 [Электронный ресурс]. URL: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/42953> (дата обращения: 08.02.2024).
30. Фромм Э. Иметь или быть? / пер. с нем. Э.М. Телятниковой. М.: АСТ: Астрель, 2010. 314 с.
31. Черняева Е.Н. Формирование идеального образа советского человека в практиках художественной культуры 1920-х гг. // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2014. № 26. С. 163–170.
32. Чоран Э. Россия и вирус свободы [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pustoshit.ru/31/cioran.html> (дата обращения: 11.09.2022).
33. Швейцер А. Культура и этика. М.: Прогресс, 1973. 443 с.
34. Шулаков С. Из рецензии «Почему у вас все так мрачно?» на книгу «На черной лестнице» // Все о Сенчине. В лабиринте критике. М.: Литературная Россия, 2013. 512 с.

Сведения об авторах

Ларина Мария Валерьевна – аспирант кафедры мировой литературы и методики ее преподавания, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского (Санкт-Петербург); e-mail: m_larina@yahoo.com

Новикова Елизавета Олеговна – аспирант кафедры мировой литературы и методики ее преподавания, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: elisanov1991@gmail.com

DOI: 10.24412/2587-7844-2024-2-92-108

THE PROTAGONIST OF R. SENCHIN'S STORY *THE END OF THE SEASON* IN THE PARADIGM OF 'SUPERFLUOUS PEOPLE': CONVERGENCES AND REPULSIONS

M.V. Larina (Krasnoyarsk, Sankt-Petersburg, Russia)

E.O. Novikova (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

Statement of the problem. Roman Senchin's creative research focuses on ordinary people living in the complex conditions of the modern world, including poverty, corruption, and social inequality. Senchin's characters experience a sense of alienation, which is portrayed through a special dramatic image of humanity. In this regard, the author reinterprets the concept of the 'superfluous person' in the context of contemporary reality.

The purpose of the article is to analyze the transformation of the 'superfluous person' in modern Russian prose, using R. Senchin's text *The End of the Season* as an example, as well as to identify the features of a key character created by the writer.

The work uses cultural-historical and sociological *methods*.

Research results. A 'superfluous person' in the works of R. Senchin is not merely a hero who cannot find their place in society. Rather, this character acutely feels their inadequacy to the surrounding reality, their needlessness, and the hopelessness of their current situation. Such a hero lives in a world where there is no place for sincere feelings, and where everyone seeks only material benefits and personal gain. The unique aspect of the 'superfluous man' in Senchin's work is that this character is not a hero who is ready to fight for his ideals. Unlike the classical prototype, he does not strive to overcome his exclusion from life. On the contrary, he often appears weak and weak-willed, unable to resist the circumstances, and justifies his passivity.

The short story *The End of the Season* features a large cast of 'superfluous people', including a failed actor, an artist who has not realized his creative potential, and a clothing store clerk, among others, all struggling to find their 'place in the sun'. Their unsuccessful search leads to feelings of suffering and guilt over lost time. In *The End of the Season*, Roman Senchin warns about the possibility of death amidst a cultural paradigm shift where Man is seen as the creator of his own destiny. This work falls under the category of modern literature and new realism.

Keywords: *R. Senchin, The End of the Season, superfluous person, alienation, modern literature, new realism.*

Dictionaries

1. FEB: Literary Encyclopedia // "Superfluous People". URL: <http://feb-web.ru/feb/litenc/encyclp/> (access date: 03.05.2023).
2. Mann Y.V. Literary encyclopedia of terms and concepts. Moscow: NPC "Intelvak". 2001.
3. The Great Soviet Encyclopedia: In 30 vol. Chief editor A.M. Prokhorov. Ed. 3-E. Moscow, The Soviet Encyclopedia, 1973.

References

1. A.I. Herzen about Eugeny Onegin. URL: <https://diary.ru/~unknown666/p137814023.htm> (access date: 11.09.2022).
2. Belinskij V.G. The writings of Alexander Pushkin. Article eight. Eugeny Onegin. URL: http://gramota.ru/biblio/reading/?rub=rubric_296&text=27_308& (access date: 11.09.2022).
3. Cioran E. Russian and the Virus of Liberty. URL: <http://www.pustoshit.ru/31/cioran.html> (access date: 11.09.2022).
4. Danilkin L. Reference samples of the “new realism” // All about Senchina. In the labyrinth of criticism. Moscow: Literary Russia, 2013. 512 p.
5. Dubovikov A.N., Dunayeva E.N. Comments: I.S. Turgenev. Diary of a Superfluous Man. URL: <https://rvb.ru/turgenev/02comm/0155.htm?ysclid=lecy9cf1kj591206011> (access date: 11.09.2022).
6. Fedorov D.V. “The superfluous man” as an eternal type of Russian literature. Scientific works of the Department of Russian Literature of BSU. 2002. URL: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/42953> (access date: 08.02.2024).
7. Fromm E. To have or to be? / Translated from German by E.M. Telyatnikova. Moscow: AST: Astrel, 2010. 314 p.
8. Ganieva A. Gray on gray // All about Senchin. In a labyrinth of criticism. Moscow: Literaturnaya Rossiya, 2013. 512 p.
9. Goldstein A. Parting with Narcissus. Experiments of memorial rhetoric. Moscow: New Literary Review, 1997. P. 153–174.
10. Gorky M. Collected Works: In 30 vol. Moscow: GIKHL, 1953. URL: http://az.lib.ru/g/gorxkij_m/text_1934_sovetskaya_literatura.shtml (date of reference: 16.07.2023).
11. Herzen A.I. On the development of revolutionary ideas in Russia. URL: http://az.lib.ru/g/gercen_a_i/text_0360.shtml?ysclid=lh79y11oez697355507 (access date: 11.09.2022).
12. Kovtun N.V. The theme of memory in modern prose about the Great Patriotic War // Culture and text. 2020. No. 4 (43). P. 6–24.
13. Kovtun N.V. Village prose in the mirror of utopia. Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Feder. educational agency, Sib. Feder. Univ. Novosibirsk: Publishing house of the SB RAS, 2009. 494 p.
14. Kovtun N.V. Trickster as a Hero our Our Time. On the Material of the Russian Prosa. Moscow: FLINTA; Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev, 2022. 408 p.
15. Kovtun N.V., Proskurina E.N., Vasiliev I.E. Project of the World Reorganization and Russian Prose of the Early XX Century (A. Bogdanov and A. Platonov) // Siberian Philological Journal. 2013. No 2. P. 129–140.
16. Kyerkegor S. Illness to death / Translated from the dates of N.V. Isaeva, S.A. Isaeva. 4th ed. Moscow: Akademicheskiiy Prospekt, 2022. 157 p.
17. Leiderman N.L., Lipovetsky M.N. Modern Russian Literature: 1950–1990s: textbook for students of higher educational institutions: In 2 vol. 1968–1990. Moscow: Academy, 2003. Vol. 2. 688 p.

18. Lotman L.M. Dramas of I.S. Turgenev. URL: https://rvb.ru/turgenev/02comm/introcomm_02.htm?ysclid=led0z9gl4169667836 (access date: 11.09.2022).
19. Lotman Yu.M. Unpredictable mechanisms of culture. Tallinn: TLU Press, 2010.
20. Mann Yu. An extra person // The Great Soviet Encyclopedia: In 30 vol. Chief editor A.M. Prokhorov. Ed. 3-E. Moscow: The Soviet Encyclopedia, 1973. P. 582–583.
21. Mashkova E.E. Descendant of the “superfluous man” and the active personality of the Soviet era // *Voprosy russkoy literatury*. 2012. No. 22 (79). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/potomok-lishnego-cheloveka-i-deyatelnaya-lichnost-sovetskoy-epohi> (access date: 01.03.2023).
22. Mashkova E.E. Descendant of the “superfluous man” and the active personality of the Soviet era // *Voprosy russkoy literatury*. 2012. No. 22 (79). P. 74–85.
23. Moldanov E. Malignant biopsy of the Eltyshev family // *All about Senchina*. In the labyrinth of criticism. Moscow: Literary Russia, 2013. 512 p.
24. Novikova E.O. Mortal motifs in the works of R. Senchin // *Siberian Philological Forum*. 2020. No. 2 (10). P. 53–66.
25. Rasputin V.G. Farewell to Mother: stories. St. Petersburg: Azbuka, Azbuka-Atticus, 2017. 608 p.
26. Reznik A. We have ice under our feet // *All about Senchina*. In the labyrinth of criticism. Moscow: Literary Russia, 2013. 512 p.
27. Rudalev A.G. Four shots: Writers of the new millennium. Moscow: Molodaya gvardiya, 2018. 505 p.
28. Senchin R.V. On the back stairs: stories. Moscow: AST: Astrel, 2011. 347 p.
29. Senchin R.V. Zero: [novellas, short stories]. Moscow: AST Publishing House: Editorial office of Elena Shubina, 2021. 508 p.
30. Shulakov S. From the review “Why is everything so gloomy for you?” for the book “On the back stairs” // *All about Senchina*. In the labyrinth of criticism. Moscow: Literary Russia, 2013. 512 p.
31. Shvejcer A. Culture and ethics. Moscow: Progress, 1973. 443 p.
32. Turgenev I.S. Notes of a Hunter. Stories and tales. Moscow, 1979. 608 p.
33. Vasiliev O. Literature regains its weight // *Novaya Gazeta in Vladivostok*. 2017. October 12. No. 411. URL: <https://vladivostok.bezformata.com/listnews/literatura-vozvrashaet-sebe-ves/61613416/> (access date: 08.02.2024).
34. Zagidullina M.V., Faustov A.A. Avatars of the “superfluous man” in the modern literary and humanitarian space // *Chelyabinsk Humanities*. 2020. No. 2 (51). P. 37–55.

About the authors

Larina, Mariia Valeryevna – postgraduate student of the Department of World Literature and Methods of its Teaching, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafieva (Krasnoyarsk, Russia); Russian Christian Academy for the Humanities named after Fyodor Dostoevsky (Saint Petersburg, Russia); e-mail: m_larina@yahoo.com

Novikova, Elizaveta Olegovna – postgraduate student of the Department of World Literature and Methods of its Teaching, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafieva (St. Petersburg, Russia); e-mail: elisanov1991@gmail.com